

Дан сей мандат представителю от ДОНЧЕКА тов. Мельникову Степану Ивановичу в том, что он и правляется в г. Москву в распоряжение тов. Дзержиго Ф. Э. для расследования причин восстания в области бывшего войска донского. Для расследования причин привлечение вино...

ВЛАДИМИР РУЧКИН

ПИСЬМА С МАРСА

ЧАСТЬ 1

Владимир Григорьевич Ручкин

Письма с Марса. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11958697

ISBN 978-5-4474-2593-7

Аннотация

Все события этой книги реальны. Имена персонажей, разумеется изменены, подверглись литературной обработке письма и дневниковые записи. Это попытка соединить иррациональное и невозможное в литературном произведении.

Содержание

Лабиринт	6
Монастырь, или «Хожения отца Алипия в N-скую пустынь»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Письма с Марса

Часть 1

Владимир Ручкин

*Все началось с фразы,
написанной на обрывке бумаги —
«Не пить рыбам воды».
Подошедший Aldous Huxley
дал некоторые советы по поиску, как таковому.
А Hermann Hesse указал рукой на Восток.*

© Владимир Ручкин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Когда то, находясь на послушании в монастыре NN на благословенном острове, обнаружил я в тайнике в келье связку рукописей. Это был какой-то странный толстый том, вручную прошитый толстыми просмоленными шнурами. Скрепленные в одно книги, листы рукописей, письма и дневники, просто ветхие листы, рисунки, гравюры, наброски вызывали недоумение.

Зачем было их крепить в таком порядке? А скреплено было «намертво».

Все эти части при беглом прочтении, по смыслу никак не стыковались, хотя и были приклеены закладки с пометками

от руки: «Если нет противоядия, пейте яд» — даты, просто числа. Но что они значили? Бог весть.

Вероятно для человека, расположившего все это в таком порядке, они имели смысл. Нечто напоминающее шкатулку с любимыми вещами... литературную шкатулку. А, возможно, эта «шкатулка» побывала во многих руках? Кто знает.

Праздное любопытство сменилось приятным времяпрепровождением, и с тех пор их чтение служит мне источником утешения. Я даже стал находить смысл в этом хаосе. Когда появлялось свободное время, я пытался привести в систему этот «литературный склад» и понемногу перепечатывал текст. Те места, которые находили во мне отклик... Так, для себя...

Лабиринт

Письмо.

Paris,

23 Avril.1975.

Mon préféré ... Я много раз корить себя не отвечать. Все твои «искать русской души» можно дойти до аварии и депрессии. Ты приехал поздно, время Толстой и Достоевский были. Я надеюсь, что искренне жаль тебя.

У меня не было намерения, чтобы condamner. Страшный эксцессов и отсутствие понимания того, что ты делаешь. Но с мыслью уйти «aller dans les pays de l'Est que Hesse», обычно начинается catastrophe. Конечно, ты можешь игнорировать это.

Ты водитель автобуса, на горной дороге, закрыл глаза, не хочет видеть опасность. Ты сейчас aller au fond «в полном объеме»?

Vous ne vous souvenez? Ou est-ce une trahison?

...Далее, пишу я – Marie, сестра Cecil. Мне русский ближе, чем ей. Я очень рано стала разговаривать по русский. В детстве, меня называли «fille – surprise», или по-русски «Сюрприз». Это в честь моей бабушки, она и занималась моим русским. Но, вижу что сюрприз не только я.

Господин «монах» мы решили, что Вы сошли с ума. Это

безоговорочный «диагноз», и не спорьте. Вы ее очень огорчили. Так хорошо начинать карьеру и вдруг... монастырь! Возможно, в этом замешана женщина? – *femme impliquée*? Какая игривая монашка покорила Ваше сердце?

...

Письмо.

Москва,

17 ноября. 1978.

...тогда казалось, что жизнь прошла. Эти недолгие два года в монастыре сейчас кажутся сном, да всем чем угодно, но только не реальностью. Состояния полета души, прозрения, руководство Бога в любых поступках и понимание Его Святой воли... были ли они? Там, в монастыре я просил Его только об одном – помоги мне увидеть другой Мир!

Через два года я сидел на обочине дороги, и плакал от полного опустошения в душе. Я смотрел вдаль в ожидании автобуса и вдруг почувствовал, что нечто яркое, ослепительно-белое и сводящее с ума пришло в мое сознание. Это был Океан Смерти...

Меня выбросило в этот огромный Океан, огромный как бесконечное Нечто, где нет ни осознания его границ, ни мыслей, пытающихся найти привычные ориентиры. И еще был ужас бесконечности, ужас бесконечности страдания и мук. В нем все, начиная от огромных пространств миров, пожираю-

щих друг друга и песком под ногами, было невыразимо зло-
веще и отталкивающе. Но потом «Это» сменило свой цвет,
и пришла мысль, вернее осознание никчемности моей жиз-
ни...

*Закладка между листами – «Y»

Я вдруг увидел гору – Сумеру, причем, здесь понятия, го-
ра и ее название были разделены, название, и объект не соче-
тались никаким образом. Их даже и невозможно было соеди-
нить. Было непонятно что это такое и почему это так назы-
вается, но это была она, та гора... очень моя. И я видел тро-
пинку, ведущую к ее вершине. Причем, чем внимательнее я
вглядывался, тем отчетливее видел все детали. Вот куст, вот
лист, упавший с него, вот камень и его трещины, и надпись
на санскрите с четырех сторон. И я «понимал», как долго
он лежал здесь, наверное, очень-очень долго. И кто-то тол-
кал его и пытался сбросить с дороги. И все это я тоже «по-
нимал», нет, не понимал а «видел». И я видел странника по-
хожего на Христа или Будду, бредущего по пустыне... нет,
наверное, это был я сам, бредущий среди гор и пустынь. И
как тягостно было это путешествие. И какая-то мелодия бы-
ла, мелодия без звуков...

Но «мелодия» сменилась огромным лесом, и каждое дере-
во имело свое имя. Собственно это не был лес, состоящий из
деревьев, это было нечто из индивидуальных и не похожих
друг на друга созданий ни по форме, ни по восприятию. И
каждое имело свое имя! Представь себе, очень много имен –

миллиарды!.. И единственное, что воспринималось, это имена – потому что суть каждого невозможно было постигнуть. Миллиарды и миллиарды имен – это было нечто непостижимое, и мой ум отказывался вмещать эту бесконечность имен. Я подходил к первому «дереву» и узнавал его имя, но стоило перейти к другому и имя предыдущего исчезало...

...жизнь моя воспринималась никчемной и пустой. Нет, уже не было так тягостно. Появился цвет или окрас «Всего», он был золотым с оттенками прекрасного фиолетового. Там было «Все» и не было «Ничего». Там не было любви, не было ненависти, там даже не было пустоты. Не было тягостно от воспоминаний о былых грехах, воображаемых наслаждениях, горького послевкусия старых ошибок и унижений, страхов, ненависти, желаний... Вселенная, преображенная в худшую сторону?.. Вселенная, преображенная в лучшую сторону?... нет, не было Ничего. И даже таких понятий, как Ничего, Ничто... не было. Казалось, нет, не казалось, а было! Жизнь, сотканная из мыслей, надежд, отчаяния и радостей, никчемных деланий и достижений. ...Вся моя жизнь это Ничто.

Не помню, сколько часов я просидел у этой «благословенной обочины».

Когда я вернулся в Москву домой, жизнь моя исказилась до неузнаваемости – друзей нет, утеряны связи с предыдущей жизнью и нет связи с новой. Смысл дальнейшего существования казался бесцветным, безликим, но у меня появи-

лась невидимая связующая нить с реальностью. Я не знаю, как это назвать, то ли поиск истины без ответа, то ли поиск ее с другой, недостижимой для нас высоты, где ответ непредсказуем... Это как пытаться «заглянуть» за зеркало; «escherche?.. recherche vide?». А может просто я обрел дорогу, длинную и нескончаемую, где забыто само понимание конца и цели? И я стал понимать, что это дорога, всего-навсего просто дорога.

Не знаю идти мне по ней или свернуть при тех или иных обстоятельствах...

*Закладка между листами – «Виделась мне моя дорога. В сером свете моя дорога».

Как часто, садясь в автобус, поезд мы забываем о конечном пункте прибытия, просто глядим в окно...

Я перестал понимать людей, излагающих «генеральную линию» неизвестно кого и чего... От всех этих «старцев», пересказывающих себе и другим то, что недавно выучили наизусть, сводило зубы. Вся это словесная возня: «...А вот авва Силуан сказал то, а вот авва сказал это», вызывала гнев и неприятие. Так и хотелось воскликнуть: «Опомнитесь!.. да не вам он говорил это и не вы сидели у его ног. Неужели непонятно, что вы не испытывали и сотой доли тех мук и страданий, что они. Вы даже и мук тех подвижников не испытывали. Человек не знающий, что такое искушение «бесов», «бесовские атаки»... и прочие «прелести» и прелести, в лучшем случае выглядит как глупец, в худшем как велоси-

педист, решивший, что может водить самолет.

*Закладка между листами – «Китайская притча о курице, слетавшей на юг».

Мой поиск привел меня к мысли, что не стыкуется, ну никак не стыкуется тот, исторический опыт монашеского делания и реалии нашей жизни. Не принимает сердце, не хочет смириться с сегодняшним днем. Только не говорите мне, что в истории монашества решающее значение имеют жития.

Кто считает, что поиск Истины в Духе путь озарений, блаженства, путь радости и счастливых обретений, тот глубоко ошибается. Если тебе говорят это, знай – это вранье, вранье умышленное или основанное на заблуждении. Не было и не будет этого. Можно прочесть тонны книг, ходить на семинары различных «гуру», как местных так и «заморских», совершать паломничества по монастырям и ашрамам, беседовать со «вновь обретенными старцами» и получать от этого «насыщение своей духовности», получать «кейф».

Но если ты взяла за основу Практику Делания, как образ жизни, то впереди у тебя не просто неприятные вещи, а встреча с Адом, Мировым Злом. Человеку придется столкнуться не с оккультными феноменами, а с оккультным миром, хотя эта трактовка очень общая, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Не имеет значения – верующая ты или нет, христианка, буддистка, индуистка, атеистка; знаешь ты об этом или нет, хочешь ты этого или нет. Вопрос не в том, какие ступени ты

проходишь и не в том, как ты их проходишь... Там есть много чего... и есть «Долина смерти», когда невозможно опереться на общедоступные понятия добра, зла, и где нет спасения от собственного ничтожества. И любовь «ближнего» протянет ли тебе руку?

*Закладка между листами – «Феноменально – сказал Малыш – Шарада!»

И если раньше у тебя были встречи с испугом, страхом, то это ничто по сравнению с теми вещами, которые ты встретишь на пути Практики, точнее в ее начале. Что потом? Не знаю...

Принято считать, что Иисусова молитва основа этой практике. Что же, возможно это так, исходя из тысячелетнего опыта монашества, но что это и как к ней подойти сейчас? Где те учителя и наставники? Нет их, но сколько «теоретиков» с огненным взором, сколько недоучившихся или плохо учившихся иноков и просто самозванцев, 18-ти летних «старцев из затвора» и прочей публики, включая богему старую и богему молодую.

*Закладка между листами – «Не для утоления жажды дается вода».

А она, это чисто монашеское делание. Молитва, часть монашеского и послушнического образа жизни. И требует опытного наставника. Прочти внимательно Григория Палама, прочти и Исаака Сирина.

Первая часть Иисусовой молитвы – словесная молитва. Она не является чем-то обособленным. Она не предназначена для мирян. Потому что за ней, второй ступенью, идет «умная», и далее другие ступени и они взаимосвязаны.

А представь, есть ведро, есть вода и ручка ведра. Каждое из них по отдельности не может служить для носки воды. Но появляется «некто» и с фразой, «послушание выше поста и молитвы», ведро отдает одному, ручку другому, а воду выливает на третьего. Как ты думаешь, много воды они принесут в свой монастырь?

*Закладка между листами – «Сюрреалистическая картина или сарказм с болезненной гримасой».

Итак, вернемся к Иисусовой молитве. Точнее, переходу от «словесной» к «умной». Вот здесь и начинаются проблемы с психикой. Святые отцы говорили, что это атаки бесов, современная медицина нашла свое определение, «панические атаки» (ПА, вегетативный криз, представляет собой необъяснимый, мучительный приступ тяжёлой тревоги, сопровождаемый страхом, в сочетании с различными вегетативными соматическими симптомами.)

Как бы то ни было, дело не в определениях. Приходской священник, «старец», «учитель» должен подумать, прежде чем благословлять на Иисусову молитву мирян или в случае беды не советовать ЕЕ усилить. Тоже можно отнести и к современному монастырю – «душевному колхозу». Ну, не может велосипедист, пусть и «профи» учить летать на самолете

те... Аналогии здесь не срабатывают. Да есть руль, как у велосипеда, есть колеса и педали. Чего же проще, – говорит велосипедист – берешься за руль, крутишь педали, колеса крутятся и самолет летит... А ведь потом раздаются «вопли»: «Спасите, меня накрыло!» Как это ни печально, но не помогут потом ни батюшка, ни медик. Увы! В лучшем случае посадит врач на сильные депрессанты и, «...в огороде выросла капуста...». Был у меня такой яркий пример в монастыре – «Саша-художник» из Москвы. Влетел к нему через открытую форточку в келью «Страх» и больше не отпускал.

В чем причина и за что ему это?.. Царствие ему небесное.

Я не пугаю тебя, просто любовь к трансформаторной будке всегда заканчивается трагедией. Люби на расстоянии или подружись с опытным электриком.

*Закладка между листами – «Сладка Иисусов молитва, как мед на лезвии бритвы».

Тебе придется пройти через страдания, которые ты причиняла другим и те, которые причиняли тебе. Пройти через преграды, о которых даже не догадываешься. Что ждет тебя дальше? Неизвестность. Это совсем не романтично, да что я говорю, вспомни хотя бы «Солярис» С. Лема. Диалоги Криса с Гибаряном. Да, это литературное произведение, которое нельзя сравнивать с реальностью, и все же и все же...

*Закладка между листами – «Если нет противоядия, пейте яд».

Какой-то патриарх, то ли первый то ли третий, какого-то из многих направлений буддизма, я уж и не помню какого, сказал в конце своей единственной сутры: «Слова! Путь лежит за их пределами...».

Знаешь, сейчас я более и более прихожу к мысли, что попытки прорваться в мир Божий через «исихазм», «Иисусову молитву» это всегда иллюзия, это всегда интерпретации нашего обыденного сознания, которое стремится просто вырваться из клетки, которую мы построили с таким старанием и любовью. Если говорить о практике исихазма, то мы на развалинах «Умного делания» и под развалинами множества фальсификаций и плагиата.

Как в этом разобраться? Не знаю. Но спасение в практике...

Письмо.

Москва.

23 февраля.

1979 г.

...все же. Что так угнетало меня? Это не *catastrophe de l'âme russe*, как ты пишешь. Был момент, когда я почувствовал себя белой лабораторной мышкой в Лабиринте. Что делать? Перестать вести себя как та белая загнанная тварь, которая нажимает на рычаг и получает кусочек сахара, если делает правильный ход?.. Мне бы хотелось выбраться из это-

го Лабиринта, из непредсказуемого подсознания, законов и правил социума и посмотреть, как этот Лабиринт работает, увидеть эту среду обитания...

Что же придется мне увидеть? Может быть, ужасных джинов из арабских сказок, стражей, один вид которых повергает в оцепенение волю, сознание и сводит с ума? Летунов, не позволяющих перейти Мост? А может, торжественное собрание учителей человечества?..

Или электронных наместников-синтетиков, поставленных на «кормление» какой-то сложной программой, не предназначенной для нашего разума? Или приводящую в отчаяние тупую простоту механизма, слепо работающего без присмотра?.. Вертятся колесики, двери открываются и закрываются и паровозик все двигается и двигается по кругу без остановок. И песочные часы некому переворачивать. Нет Хозяина. Уволился, ушел, исчез, а может быть, его никогда и не было?..

Но Игра продолжается. И поскольку число вариантов и факторов, влияющих на выбор вариантов очень велико, невозможно создать даже какую-то, пусть даже простую математическую модель «жизни» и принципа действия этого Лабиринта. Может быть, это какой-то исследовательский полигон, где я лишь орудие для поиска ответов, не подвластных моему уму?

*Закладка между листами – «Очень трагично, когда осы вторгаются в твой мир».

Но если ты преисполнилась страха и отчаяния, а полеты с Эйфелевой башни не для тебя, то в этой ситуации остаются только два варианта: первый – «бежать», второй – «воевать». Так или иначе, сценарии могут быть разные, а суть всегда одна. Если ты решила воевать, не приведи Господи, то тебе не помогут ни «Партизанская война» товарища Че Геварры, ни записки офицеров Вермахта, ни «главные сутры» ОШО. И, тем более, не опыт «кидалок-зажикалок» и «догонялок-убегалок»...

*Закладка между листами – «Эти резкие девчонки из Сорбонны!».

Помни, всегда будут, примерно, три степени «облома» – (le cul) или «типа того». Первый, это локальные бои в Лабиринте или бои местного значения, очень похожие на игру в поддавки, когда «визави» всегда прав. Второй, полномасштабная война, где ты будешь всегда в проигрыше с последующей отправкой в лазарет или «психушку». И третий, оккупация с несомненным порабощением и уничтожением тебя как личности.

Итак, вкусив плоды начальной стадии войны, ты должна включить здравый смысл или погибнуть, погибнуть за идею, за принцип, за могилы предков... в общем, как девушка мыслящая, сама придумает за что. С мысли, что ты умнее всех и легко обойдёшь все преграды, обычно начинаются проблемы. Остается только одно – «бежать». Ибо плановый отход, смена позиций это только самообман, ухудшающий

ситуацию до катастрофы. Сдача в плен не рекомендуется... вредно для здоровья, здесь пленных не берут.

Но учти, должно быть понимание очень важного условия, которое ты не должна забывать: никакой паники, только здравый смысл и расчет, что само по себе уже успокаивает.

Бегство, это еще не конец света. Несвоевременный маневр – «а не свалить ли куда подальше и сейчас, вот только лапти надены и...» или «Вот запрыгну в трамвай и уеду далеко, далеко...» может стоить тебе жизни. Не суетись, не паникуй и смотри, «кто стреляет», а главное зачем, благо примеров будет предостаточно. И никаких попутчиков и попутчиц. В противном случае будешь обречена. А на предложения уходить вместе – «потому как это сподручнее, мол, отбиваться вместе сто пудов легче» – никак не реагировать, а глаза в землю и рывок как на стометровке в честь Тезоименитства Его Императорского Величества или его Первого Секретарь Величества. Но это так, немного здравого цинизма.

Эта огромная система Лабиринта не хочет, и не будет работать иначе. Не будет работать для добра – добра понятного нам! Вероятно, у него даже есть оно, но это его добро и его любовь.

*Закладка между листами – «Аки тать в нощи»,
«Аки лев рыкающий»?

Хочет ли Лабиринт кому-то помочь? Нет. У него нет понятий «помощь», «дружба». Знаешь, как лабиринт называет людей? – «дасью». Старожилы говорят, что Ему чужды мно-

гие проявления человеческой самости...

И все эти связи, щупальцы-нити, неизвестно какого хозяина, задействованные на нашу реальность, на нашу жизнь и решающие – «что, где и когда», посредством непонятных нам инструментов влияния, которые мы называем по глупости то причинно-следственными связями, то судьбой, то воздаянием за грехи.

Лабиринт выдает нам теневые программы, «три-камуфляжи» а-ля Ж. Валле, потому что они действуют весьма эффективно и глубоко и по сегодняшний день. Особенно восторженным он посылает прекрасных сильфид; христианских девственниц – мечту суровых и бесстрашных рыцарей с кровавым крестом на груди; мудрых светловолосых «олли»...

*Закладка между листами – «Где тот источник всех метаморфоз, откуда мы пришли?».

Самонадеянность и алчность ума от магов Магриба до современных садху, «торчащих» в подворотнях Питера и Москвы, ты всегда востребована...

– На этом первый скреп писем заканчивается —

Монастырь, или «Хожения отца Алипия в N-скую пустынь»

Дневник. 1988 г.

Страница.

...Когда солнце клонится к закату и одинокий путник преисполняется бодрости в надежде найти приют к ночи, не подзревая, что впереди у него Ночь бытия, так и я грешник, в седирах одряхлевший все надеюсь отсрочить встречу со Господом. И не знаю ни срока, ни места своей кончины.

И сподобил меня Господь стать невольным свидетелем дел, явленных в N-ском монастыре по Его Святой воле. И возжелал я описать то, что видел и слышал, пребывая в младых летах.

Написал я эти строки и пришел в некоторое недоумение. Это ли я, этими ли словами я разговариваю, молюсь. Нет, не мое это все, не мое! Вот и отец Кирилл выговаривал мне: «Ты, брат Алипий, лучше своими словами излагай, а то черте-что несешь, прости Господи, и сам не понимаешь что». Хороший человек был отец Кирилл, душевный. Помню, на Вечерней я ему часто в алтаре прислуживал. Так он, когда я ему уголек разожгу и в кадило положу, перед «Честнейшую херувим», говорит: «Иди-ка ты брат Алипий, благо-

слова, по своим делам, не нужен ты мне здесь. Иди с Богом...

Надо здесь сказать, что «Алипий» это как бы прозвище для меня. Так одного монаха иконописца звали. А ко мне оно прилепилось за мое сильное желание научиться иконы писать. В свое время я очень досаждал настоятелю, – направь, да направь меня иконописному делу учиться. Учиться так и не получилось, а прозвище прилепилось. С тех пор меня и по имени перестали называть. Ну, а когда постриг принимал, попросил дать мне имя монашеское – Алипий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.